

«РУССКАЯ ВЕРА» И АЛТАЙСКИЙ *АЛБАТЫ*: МИССИОНЕРСКИЕ И НАРОДНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ*

Лагута, Ольга**

Аннотация

В статье рассматриваются этностереотипы, отраженные в записях миссионеров Русской православной церкви XIX – начала XX вв., о духовных и морально-этических аспектах жизни алтайского народа (*албаты*). Эти этностереотипы, связанные с «миссионерской картиной мира», соотнесены с идеальными, закрепленными в пословицах и поговорках представлениями самих алтайцев о различных сторонах своего бытия.

Ключевые слова: этноним, этническое взаимодействие, этнический стереотип, речевое поведение членов религиозных групп, Русская православная церковь, Алтайская духовная миссия, алтайский фольклор.

* Статья поступила 04.03.2013 и прошла рецензирование 08.06.2013.

** Профессор, факультет славистики, Государственного университета Чжэнчжи.

“The Russian Faith” and Aitai *Albaty*: Missionary and Folk Stereotypes*

Laguta, Olga**

Abstract

The paper represents the first results of analyzing the ethnic stereotypes about spiritual and ethnic culture of the Altai people (*albaty*). These stereotypes caused by “a missionary picture of the world” have been explicated in the notes of the Russian Orthodox missionaries in XIX – the beginning of the XX c. They are compared with the folk ideals reflected in the Altaian proverbs.

Keywords: ethnonym, ethnic interaction, ethnic stereotype, speech behavior in religious groups, Russian Orthodox Church, Altai Orthodox Mission, Altai folklore

* Received: March 04, 2013; Accepted: June 08, 2013.

** Professor, Department of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University.

《俄羅斯信仰》和阿爾泰阿爾巴特民族： 傳教的與民間的刻板思維*

亞榴申娜**

摘要

文中探討反映在 19 世紀至 20 世紀初東正教教會傳教士有關阿爾泰民族（阿爾巴特族）的精神和道德倫理方面所記載下的民族刻板。對比鞏固於阿爾泰民族的俗語和諺語中理想化的概念，傳教世界圖景的民族刻板展現出不同面向的存在價值。

關鍵詞：民族專用詞語、民族相互關係、民族思維刻板、宗教團體成員間的言語行為、俄羅斯東正教教會、阿爾泰傳教團、阿爾泰民間創作

* 本文 2013 年 3 月 4 日到稿，2013 年 6 月 8 日審查通過。

** 作者係國立政治大學斯拉夫語文學系教授。

В последние два десятилетия у политологов, историков, этнографов, психологов, лингвистов, литературоведов и фольклористов резко возрос интерес к разноаспектному изучению этнических стереотипов, бытовавших или бытующих у представителей различных народов Российской Федерации¹ и других государств². «Межэтнические отношения являются частью российской социальной реальности, и поэтому проблемы, связанные с этнической идентичностью и формированием толерантного сознания россиян, привлекают учёных»³. Исследуя современную ситуацию с российскими этностереотипами (в том числе, распространенными среди представителей титульной нации), мы должны признать, что не всегда хорошо знаем историю их формирования и дальнейшую «социодинамику».

Под этническим стереотипом понимается «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос»⁴. В основе таких стандартных

¹ Например: Naarmann, H. Identity in Transition: Cultural Memory, Language and Symbolic Russianness // Multilingual Matters. 2002. № 122. – P. 59-72; Джамалян, Д.В. Проявление агрессии в этнических стереотипах: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004; Panova, E. Students “Our” and “Alien”: The Views of St. Petersburg Teachers on Ethnic Diversity and the Limits of Russianness // Ab Imperio. 2006. Issue 3. – P. 355-388; Арзютов, Д.В. Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 1. – С. 240-247; Березиков, Н.А. Казаки-землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. – С. 56-59.

² Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в Средние века / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990; Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости / Отв. ред. А.Г. Асмолов. М.: Смысл, 2000; Белова, О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: Этнолингвистическое исследование: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2006; Мельникова, М.А. Психосемантика этнических стереотипов жителей Дальневосточного приграничья: На примере россиян и китайцев: Дисс. ... канд. психол. наук. Владивосток, 2006; Александренков, Э.Г. Миссионер и аборигены в Перуанской Амазонии // Латинская Америка 2007. № 12. – С. 95-103; Иконникова, Е.А. Японские писатели XX века об аборигенах Сахалина // Азия и Африка сегодня. 2010. № 10. – С. 66-69; Абилюдинова, Ж.Б. Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев: на материале русскоязычных анекдотов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011.

³ Боргоякова, Т.Г. Этнические стереотипы жителей Хакасии: лингвокультурологический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. № 1. – С. 5.

⁴ Крысин, Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. – С. 458.

представлений о достоинствах и недостатках этносов лежат оппозиции «мы – они» и «свои – чужие». Другими словами, под стереотипами можно понимать круг относительно устойчивых идеологем, мифологем и других плодов когнитивной деятельности, последовательно объективируемых в речи членами определенных этногрупп. При этом результаты стереотипизации могут конфликтовать с реальным коммуникативно-прагматическим опытом носителей языков. Среди стереотипов обычно выделяют представления о своём этносе – автостереотипы и о других этносах – гетеростереотипы. В автостереотип попадают признаки, «культурно одобряемые», тогда как гетеростереотип часто служит «резервуаром для отрицательных качеств, нежелательных в собственной культуре»⁵.

На наш взгляд, было бы интересно провести сопоставление почти не изученных миссионерских стереотипов XIX–начала XX вв. о духовно-этической культуре алтайцев⁶ с идеализированными представлениями самих южносибирских аборигенов об этой стороне своего бытия. Другими словами, предмет нашего сопоставительного исследования составят русские миссионерские и алтайские народные гетеро- и автостереотипы.

Стереотипы выражаются языковыми единицами разных уровней, прежде всего лексическими и паремическими. Среди лексических особое место занимают этнонимы. Поэтому частными объектами нашего исследования стали:

1) этнонимические репрезентанты стереотипов – экзонимы и эндонимы в широком контекстном окружении (нами рассматривались прежде всего русские экзонимические обозначения алтайцев, использованные в мемуарных миссионерских текстах XIX–начала XX вв.: *алтаец* и *алтайский*, *бийский*,

⁵ Боргоякова, Т.Г. – С. 5.

⁶ Лишь частично эта тема затронута в: Бондаренко, Л.Ф. О главных принципах православного миссионерства и их проявлении в деятельности Алтайской духовной миссии // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. – С. 67-70.

порубежный или *горный калмык*; *калмыцкий* или *чуйский двоедан*, *кумандинец*, *черневой татарин*, *ойрот*, *телеут/теленгут* и т.д.; при сопоставлении привлекались алтайские эндонимы: *албаты*, *алтай-кижи* и т.д.⁷);

2) алтайские паремии – пословицы и поговорки.

Круг источников, позволяющих понять, какими были миссионерские гетеростереотипы XIX–начала XX вв. о коренном населении Алтая, довольно широк: Синод рекомендовал членам миссий вести дневники, и они оставили обширное мемуарное наследие⁸. В статье приводятся контексты из наиболее авторитетных трудов, в большинстве своём напечатанных по решению Российского географического общества, и хотя таких публикаций немало, наборы стереотипов, характерные для сознания их авторов, не отличаются разнообразием.

Представления другой стороны – алтайцев – о себе и о русских дошли до нас, напротив, в очень ограниченном корпусе текстов: они зафиксированы в фольклоре – пословично-поговорочных изречениях (напр., *Ийт јастанган кижиде уйку јок*, / *Орус уйлү кижиде амыр јок* ‘У человека, подстелившего под голову собаку, сна нет, / У человека с русской женой покоя нет’ и т. д.)⁹ и в более поздних бурханистских запретных наставлениях начала XX в., в которых говорилось о том, что с русскими и алтайскими «крещенцами» нельзя есть из одной посуды, водить дружбы, а следует смотреть на них как на своих врагов, что земля не будет терпеть их долго и т.п.¹⁰.

⁷ О сложной внутрисистемной организации алтайской эндонимии подробно изложено в: Тадина, Н.А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-2. – С. 178-184.

⁸ Например, по данным Н.П. Матхановой, до настоящего времени сохранились 104 мемуарных произведения, созданных представителями только сибирского духовенства (Матханова, Н.П. Сибирская мемуаристика второй половины XIX в.: корпус, разновидности, авторы // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 22). См. также: Мельникова, С.В. Записки алтайских миссионеров и их жанровая специфика // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. – С. 34-42.

⁹ Ойноткинова, Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / Отв. ред. О.Н. Лагута. Новосибирск: Институт филологии РАН, 2012.

¹⁰ Бурханизм. Документы и материалы / Сост. Н.А. Майдурова: в 2 ч. Горно-Алтайск, 1994.

Чтобы понять причины такого отношения аборигенного населения к русским, нужно иметь представление о языковой и конфессиональной ситуации на Алтае.

Алтайцы – немногочисленные южносибирские тюрки, потомки алтай-кижи, телеутов, теленгитов, кумандинцев, челканцев, черневых татар, или тубаларов – проживают на территории Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей, а также Северного Казахстана. В XIX в. эти земли относились к Тобольской, а затем к Томской губерниям и, частично, к Акмолинской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства Российской империи.

Описывая языковую ситуацию в этих краях в середине XIX в., один русский миссионер отмечал: алтайцы «русских большей частью понимают, но не говорят по-русски; то же и русские – наоборот, хотя многие знают их наречие. Неприличной нашей народной брани не имеют; пословиц нет или очень мало кое-каких поговорок; собственных песен тоже нет, а существуют отрывки легенд об Алтае, исполненные поэтических своего рода описаний и сравнений, а также благожелательные и наставительные»¹¹.

До прихода русских алтайцы исповедовали преимущественно шаманизм, но с XVIII в. религиозная обстановка в регионе резко меняется. «Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских “инородцев” была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди “инородцев”. Принятие православия аборигенами

¹¹ Алтайская церковная миссия: посвящается основателям первого в отечестве Миссионерского общества одним из его членов. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1865. – С. 46-47.

рассматривалось как составной элемент политики интеграции»¹². Разворачивается миссионерская работа¹³, временно приостановленная в конце царствования Павла I и возрождённая при Николае I в 1828 г., когда на Рождество был принят синодальный указ, предписывавший восстановить в Сибири должность «инородческих миссионеров». Через два года миссионером Макарием (Глухарёвым), впоследствии канонизированным Русской православной церковью, была основана Алтайская духовная миссия. Глава миссии был выдающейся личностью, встречался и даже полемизировал со многими духовными деятелями своего времени: с Серафимом Саровским, митрополитом Филаретом (Дроздовым), известным своей поэтической перепиской с А.С. Пушкиным и возглавившим комитет по созданию синодального перевода Библии на русский язык, а также со знаменитыми миссионерами-квакерами – французом Стивеном (Этьеном) де Греллетом дю Мабилье, пропагандировавшим распространение Библии на национальных языках, и англичанином Уильямом Алленом, основателем женских школ.

Особенностью Алтайской миссии было то, что катехизацию, проповедь и богослужение её члены совершали на родном языке коренного населения. Соответственно, сильной стороной миссии «являлась её образовательная, переводческая, литературная и издательская деятельность; этнографические и лингвистические труды алтайских миссионеров не утратили своего научного значения до настоящего времени»¹⁴. Днём основания миссии считается 7 сентября

¹² Дамешек, Л.М. К вопросу о реализации проекта «большой русской нации» в конце XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2008. № 1. – С. 198.

¹³ «В XVIII в. часть их [алтайцев. – О. Л.] (несколько тысяч) была крещена, но в христианстве не была утверждена, и когда указы 1789 и 1799 годов упразднили должности миссионеров, она, совсем лишённая духовного руководства, отпала в язычество». – Харлампович, К.В. Архимандрит Макарий Глухарёв: По поводу 75-летия Алтайской миссии. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. – С. 28.

¹⁴ Пивоваров, Борис (протоиерей). Алтайская духовная миссия // Православная энциклопедия. Accessed February 10, 2012. <http://www.pravenc.ru/text/115104.html>.

(праздник Рождества Богородицы по старому стилю) 1830 г., когда архимандрит Макарий крестил алтайца Элеску-Иоанна в селении Улала – современном г. Горно-Алтайске. Макарий создал на основе кириллицы и первую алтайскую азбуку и перевёл катехизаторские и богослужебные тексты на телеутский язык¹⁵. В селении Майма миссионеры начали учить алтайских мальчиков и девочек грамоте. Впоследствии Макарию помогал М.В. Чевалков, крещеный телеут, ставший священником, миссионером, переводчиком, литератором и фольклористом¹⁶. В целом же в истории филологии деятельность сибирских священнослужителей XIX в., прежде всего Глухарёва, Вербицкого, Ястребова и самого Чевалкова, сопоставима с работой дескриптивистов XX в., описавших языки аборигенного населения Северной Америки (имеем в виду применение ими поуровневого, или дистрибутивного, как бы мы сейчас сказали, анализа речевых фактов). Надо признать, что алтайцы с благодарностью приняли образование, основы которого заложили миссионеры, и сохранили до наших дней пословицы и поговорки, часть которых – кальки русских паремий, когда-то включенные в первые алтайские буквари и грамматики: *Бичик билбес кижси сокордый* ‘Безграмотный человек, как слепой?’, *Бичикчи кижси жарыкта жүрет, / Бичик билбес карануйда жүрет* ‘Грамотному человеку – свет, / Неграмотному человеку – тьма’ (букв.: ‘Грамотный человек на свету живет, / Не знающий грамоты во тьме живет’); *Билеги жоон бирди жыгар, / Билгени јаан мунды жыгар* ‘С толстым запястьем одного свалит, / С

¹⁵ Тадышева, Н.О. Особенности перевода православных текстов на алтайский язык // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. – С. 87-90.

¹⁶ См. мнение о нем, высказанное К.П. Победоносцевым: «Чевалков – лицо в своем роде замечательное, – природный алтаец, теперь уже глубокий старик, с детства еще обращенный и обученный покойным Макарием. Немало таких самородков вывели наши прежние миссионеры, и эти люди работают в холоде, голоде и нужде – а кто их знает? Миссия, это – в сущности государственное учреждение и делает государственное дело. А существует она на средства сравнительно ничтожные, отпускаемые московским миссионерским обществом (состоящим под покровительством Государыни Императрицы), коего доходы тоже скудны, да на частные пожертвования щедрых русских людей». – Победоносцев, К.П. Письма к Александру III (1881-1889). Accessed February 10, 2012. <http://Ruscorpora.ru>.

большими знаниями тысячу свалит'; *Бичикчинин билгири отко күйбес, / Сууга чөнбөс* 'Знания грамотея в огне не горят, / В воде не тонут'.

Члены Алтайской духовной миссии активно занимались благотворительностью. Предполагалось, что православной миссии должны были способствовать и русские крестьяне, переселившиеся из европейской части России в Южную Сибирь. По замыслу правительства, «русский крестьянин-землепашец был призван не только научить сибирского инородца строить дома, пахать, косить, но и духовно сплотить империю, молиться, говорить и даже думать по-русски. В конечном итоге российский имперский проект на практике должен был обеспечить поглощение имперским ядром национальных окраин государства, в том числе и Сибири»¹⁷. В реальности дела обстояли по-разному. Нередко крестьяне притесняли алтайцев. Алтайцы, естественно, не всегда оставляли эти притеснения безнаказанными.

Контакты членов миссии с аборигенным населением привели к формированию стереотипов друг о друге у представителей обеих сторон. Рассмотрим выявленные миссионерские и алтайские стереотипы более подробно.

1. Миссионерский гетеростереотип «некрещёные алтайцы – дикий и жестокий народ» vs. алтайские гетеростереотип «серкпе јаһында чын јок 'в церковной вере правды нет'» и автостереотип «Эрлик-биле Ульгэнь янчысь эжикту 'к Эрлику и Ульгену одни двери'». Миссионеры прежде всего обращали внимание на духовную культуру *албаты*. Так, первые поверхностные отзывы о некрещёных алтайцах были весьма нелестны: «отличаются особенною дикостью»¹⁸, «необразованные племена»¹⁹ и т.п. «Жалкое материальное положение инородцев, –

¹⁷ Дамешек, Л.М. – С. 198.

¹⁸ Алтайская церковная миссия... – С. 11.

¹⁹ Там же. – С. 22.

писал историк миссии, – отозвалось и на их умственных качествах: тупость, отсутствие интереса к новым идеям и слабая способность к восприятию новых понятий и усвоению их отличают алтайцев. Кроме дикой природы и тяжёлых условий существования, на низкий нравственный и умственный уровень алтайцев влиял гнёт наследственных родовых старшин»²⁰.

В свою очередь, алтайцы выразили в пословицах негативное отношение к Русской православной церкви и к русским в целом: *Серенке одында чок жок, / Серкпе јаһында чын жок* ‘От спичечных палочек угля нет, / В церковной вере правды нет’; *Куу одында кок жок, / Кудай јаһында чын жок* ‘От сухих дров пепла нет, / В вере в Кудая правды нет’²¹.

Объяснение такому отношению находим в следующей миссионерской записи, выстроенной на развёрнутой антитезе, которую автор сам же разрушает в конце повествования. Как результат, в тексте рушится и отражённый во многих мемуарах стереотип: «Вот, после нескольких проповедей и бесед запали в душу язычника слова благовестия. В мыслях его начинается брожение, и с виду он становится задумчивым. Отнестись критически к прежним своим верованиям и к словам миссионера, рассудить, какое вероучение истинно, он не может, так как умственный кругозор его слишком мал, а у многих, по замечанию архимандрита Макария, способность размышления находится как бы в оцепенении. У него есть только один единственный критерий для сравнения вер – это наблюдаемые факты. И вот он видит, что христианская вера содержится в Божественных книгах, по которым можно волю Божию знать и с Богом беседовать, а для молитвы есть великолепные Божьи храмы; сами молитвы и все вообще богослужение не требуют

²⁰ Харлампович, К.В. – С. 28-29.

²¹ *Кудай* – алтайское наименование христианского Бога, верховное божество в бурханизме обозначалось другой лексемой – *Уч-Курбустан*, в шаманизме – *Ульген*.

кровавых жертв и экономического разорения. Ничего подобного нет у язычников-алтайцев, вера которых держится одним преданием, местом молитвы служит юрта, а служение богам сопровождается большею частью совершенным разорением от множества приносимых кровавых жертв. Далее он замечает, что многие христиане грамотны, знают царские законы и умеют писать прошения, что считается, по-алтайски, признанием самого высшего образования. И этого нет у алтайцев, язык которых не имеет грамоты. Наблюдает он затем у христиан и лучшее общественное устройство, и более обеспеченное хозяйство, и достаток во всем, и даже комфорт. Но наряду с этим язычник не может не видеть, что христиане же надувают его при торговле, спаивают водкой, дозволяют себе всякие притеснения над беззащитным человеком. Невольно у язычника зарождается вопрос, да не всё ли равно, держаться той или другой веры, правда ли, что одна вера делает человека лучшим и, следовательно, более угодным Богу, а другая нет? Не одна ли участь постигнет и крещёных и некрещёных? *И не редкость слышать на Алтае такие речи* (выделено мною. – О.Л.): “все люди имеют одного Бога, ведь только вера разная; я думаю, что и в своей вере, если я буду делать добро, будет для меня полезно; а если будь я хоть и крещёный, да делай худо, то хуже будет, чем некрещёному”²².

В детской популярной литературе конца XIX в. встречаем упоминание о том, как «алтайские калмыки» «боятся путешественников и укрываются от них, полагая, что едущие к ним будут их крестить»²³. У крещёных же алтайцев «“русская вера” превосходно уживалась с шаманизмом... коренным жителям был совершенно непонятен суровый триединый христианский Бог, и они отдавали предпочтение более человеческому и душевному св. Николаю, а св. Илью связывали

²² Ястребов, Иннокентий (архиепископ). Процесс усвоения христианства алтайскими инородцами. Казань: Тип. Университета, 1899. – С. 4-5.

²³ Александров, Н.А. Народы России. Этнографические рассказы для детей. Выпуск второй. Инородцы лесов (Сибирь). М.: Изд-во Панафидина, 1899. – С. 215.

со своим богом Эрликом. При этом св. Николай стал как бы покровителем и домашним богом охотников: перед выходом на промысел иконе этого святого приносили символические жертвы, при удачной охоте икону благодарили, а при неудаче – наказывали, переворачивая образ вниз головой или даже выбрасывая его во двор. Если священник обнаруживал такое святотатство, то “иностранческая” семья нещадно штрафовалась»²⁴.

Сложность и противоречивость алтайской внутренней религиозной обстановки отразилась в поговорке *Эрлик-биле Ульгэнь янчысь эжикту* ‘К Эрлику и Ульгену одни двери’. Всё это приводило к распространению религиозного индифферентизма среди коренного населения²⁵.

2. Миссионерский гетеростереотип «некрещёные алтайцы жестоки с женщинами и детьми» vs. алтайский автостереотип «энени Н сёзи – эрјине ‘слово матери – драгоценность’». В культуре социогендерных взаимоотношений внимание миссионеров обращало на себя отношение некрещёных алтайцев к женщинам – невестам, женам, матерям, вдовам. «Женщины, – пишет миссионер, – составляют рабочий и продажный скот; матери лишены прав над детьми... Многоженство и самарянский обычай брать жён умерших братьев или ближайших родственников, или продавать их в замужество, или, народом, без согласия выдавать старух за мальчиков и обратно; запродавать невесту в малолетстве, даже в утробе матери, чтоб долгие годы выплачивался или зарабатывался за нее женихом разорительный калым, взыскивать этот калым, будто бы невыплаченный, часто с

²⁴ Шишигин, А. Алтайский просветитель // Литература, история, культура Кузбасса. Accessed February 10, 2012. <http://lik-kuzbassa.narod.ru/Shishigin-Aleksandr.htm>.

²⁵ Алтайская церковная миссия... – С. 39. См. также воспоминания М.В. Чевалкова: «Я спросил их: “Вы все крещены?” Они отвечали: “Здесь все крещены”. “Знаете ли, как зовут Бога?” “Знаем”. “Кого же вы призываете, когда молитесь?” Они ответили: “Молимся Миколу-батюшке, а также пророку Илию”. Я сказал: “А Иисусу Христу молитесь?” Они ответили: “Об Иисусе Христе мы слышали, но хорошенько о нём не знаем”». – Чевалков, М.В. (священник). Памятное завещание: Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1894. – С. 26-27.

детей и внуков, – а отсюда бесконечные распри, притеснения, насилия, грабежи. По капризу прогонять от себя жён, брать других, а иногда и прежних – вот обычаи»²⁶.

Алтайский пословичный материал лишь частично подтверждает второй миссионерский стереотип, см. примеры: *Алтын баишту кадыттаң / Арык баишту эр артык* ‘Лучше мужчина с худой головой, / Чем баба с золотой головой’; *Эрјине ат ээр көдүрер, / Эр кижии јон көдүрер* ‘Драгоценный конь седло поднимет, / Мужчина народ поднимет’; *Казырага баиштаткан мал мал болбос, / Кадытка баиштаткан јон јон болбос* ‘Скот, возглавленный двухгодовалым теленком, стадом не будет, / Народ, возглавленный бабой, народом не будет’; вариант: *Казырага баиштаткан – канга, / Кадытка баиштаткан – јууга* ‘Позволившим теленку возглавить себя – кровь, / Позволившим бабе возглавить себя – война’ (подобные пословицы вызывают особый интерес, если вспомнить, что активное освоение русскими Алтая пришлось на царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II).

Фольклорные тексты фиксируют и иную ситуацию, а именно то, что детям особенно трудно жить без матери: *Ада јокто – јарым өскүс, / Ане јокто – сыраНай өскүс* ‘Без отца – наполовину сирота, / Без матери – круглый сирота’. Это означает, что семейный статус матери у алтайцев был все-таки более высок даже в тех условиях, когда она была лишена прав, которые уже имели женщины Российской империи в середине XIX в.

Миссионеры же пишут о том, что по отношению к матерям «дети суровы, непочтительны, не имеют к ним отношения, которые бы хоть несколько походили на человеческие, естественно-необходимые»²⁷. Некоторые пословицы косвенно подтверждают и это, например: *Ада төрөгөн төр тартар, / Эне төрөгөн эжик*

²⁶ Алтайская церковная миссия... – С. 45-46.

²⁷ Там же. – С. 46.

тартар ‘Родственники отца на передний угол тянут, / Родственники матери [на место] у двери тянут’.

Внимание миссионеров обращало на себя и отношение алтайцев к сиротам: «не учреждается законной опеки над сиротами; умирая, они оставляют полунагими или совершенно нагими детей, которые бродят без насущного хлеба из юрты в юрту, и если принимаются кем, то из корысти, когда после родителей остаётся скот или какое-нибудь имущество; особенно же их берут займодавцы или сваты за неуплаченный будто бы матерью или еще бабкой калым»²⁸. О горьком и голодном сиротстве действительно есть немало пословиц, например: *ӨскүстиҢ көзи төрдө*, / *СаҢыскан көзи жууда* ‘Глаза сироты на передний угол [смотрят], / Глаза сороки на сало [смотрят] и т.п. Но в целом пословичная картина мира, реконструированная, например, в собрании Н.Р. Ойноткиновой²⁹, отражает иные народные представления об отношениях между родителями и детьми: *АданыҢ сөзи – алтын*, / *ЭнениҢ сөзи – эрјине* ‘Слово отца – золото, / Слово матери – драгоценность’ (вторая часть данной пословицы оппозитна по содержанию другой паремии: *Үй кижиниҢ чачы узун, сагыжы кыска* ‘У женщины волосы длинные, ум короткий’); *АданыҢ айтканы ал-санаага кирер*, / *ЭнениҢ айтканы эт-јүрекке томулар* ‘Сказанное отцом в мысль войдёт, / Сказанное матерью в сердце отзовется’; *АданыҢ сөзи артабас*, / *ЭнениҢ сөзи эскирбес* ‘Слово отца не испортится, / Слово матери не устареет’; *АданыҢ сөзи бузулбас*, / *ЭнениҢ сөзи ундулбас* ‘Слово отца не разрушится, / Слово матери не забудется’; *Кыс бала энезине болуш*, / *Уул бала адазына болуш* ‘Дочь матери – помощница, / Сын отцу – помощник’; *Алып та болгожын*, *адазынаҢ айап јүрер*, / *Эрлү де болгожын*, *энезинеҢ коркып јүрер* ‘И богатырь будет отца своего остерегаться, / И замужняя дочь будет матери своей

²⁸ Там же. – С. 60-61.

²⁹ Ойноткинова, Н.Р. – С. 232-316.

бояться'. В то же время алтайский песенный фольклор, содержащий настоящие шедевры любовной лирики («Жалоба влюбленных», «Похвала супруге», «Разлука с супругою»³⁰), сохранил и тексты о притеснениях вдовиц родственниками: «Лиходеи мои не смели подходить близко, Теперь придут и скажут: “всё, что есть, наше!”»³¹. В некоторых миссионерских записях рисуется чрезвычайно неприглядная картина взаимоотношений родных за пределами нуклеарных семей. Это подтверждается и пословицей: *Одын-сууны Н жуугы јакшы, / Төрөөн-тууганны Н ыраагы јакшы* ‘Когда дрова и вода рядом – хорошо, / Когда родственники далеко – хорошо’.

В такой ситуации миссионеры придавали большое значение женскому образованию: «Не правда ли, – пишет архимандрит Макарий, – что первые учителя в человеческом роде суть женщины?.. Не они ли бросают первые семена добра и зла в девственную землю детского сердца? Что же в Российской Церкви сделано для христианского образования женщин в простом народе?»³². Впоследствии сотрудница миссии София де Вальмон, дочь французского офицера на русской службе, открыла первую женскую «школку» для алтайских девочек.

3. Миссионерский гетеростереотип «некрещёные алтайцы – самоуправные пьяницы» и алтайские автостереотипы «јарындуга туттурба ‘плечистому схватить себя не позволяй’», «аракы ла түбекти ортозы бир алтам ‘между пьянством и бедой один шаг’». В миссионерских воспоминаниях и отчетах выражены разнообразные, подчас противоречивые мнения об алтайском

³⁰ Вербицкий, В.И. (протоиерей). Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, прот. В.И. Вербицкого, изданных Этнографическим отделением Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, под ред. А.А. Ивановского. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1893. – С. 175-177.

³¹ Оригинальный текст и перевод «Плача о потере мужа» приведен в: Вербицкий, В.И. – С. 174-175.

³² Глухарёв, Макарий (архимандрит). Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе. М.: Тип. А.И. Снегирёвой, 1894. – С. 9.

национальном характере до и после принятия крещения. Например: «В слове и деле они [некрещёные. – *О.Л.*] вообще не честны; вольница, лукавство, воровство, крайнее бесстыдство, бесчиние, пьянство – удел огромного большинства, особенно закоренелых, в известном возрасте»³³. Долгое время сохранялось мнение, что успеху христианства и просвещения среди алтайцев вредили «образ их жизни и нравственный их характер. Алтайцы, кроме черневых татар, вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством и звероловством, но последние, при свойственных алтайцам лени и беззаботности на счёт завтрашнего дня, доставляли скудные средства содержания и открывали возможность частым голодовкам. К этому присоединялась страсть к водке»³⁴. «Порядок управления, какого бы то ни было, – пишет другой автор, – так не по нутру их беспечности, самоуправству, дерзости и жестокости, развиваемой камланьем и началовождём его, что собрания общественные, где они есть, у них почти никогда не обходятся без драк и побоев, всегда жестоких»³⁵.

Действительно, алтайских пословиц, призывающих уважать власть имущих, в фольклористических собраниях не зафиксировано, лишь некоторые единицы напоминают об осторожном поведении с начальством. Для сравнения отметим, что паремий такой тематики много в собраниях русского фольклора: *Чин чина почитай, и меньшей на край!*; *Бог дает власть кому похочет*; *Воеводская просьба – строгий приказ*; *Повиновение начальству – повиновение Богу*; *Хоть лыком шит, да начальник*; *Хоть мочальник, да твой начальник*; *Про то знают большие, у кого бороды пошире*; *С горки виднее*; *Сверху виднее*; *Все в старостах будем – некому будет и шапки перед нами сымать*; и т.д.

³³ Вербицкий, В.И. – С. 46.

³⁴ Харлампович, К.В. – С. 28.

³⁵ Вербицкий, В.И. – С. 45.

Относительно же конфликтов алтайские пословицы предупреждают: *Кериш-согуш јакшыга баштабас* ‘Ссора и драки к добру не приведут’; *Урушчы уйдаар*, / *Керишчи кенеер* ‘Драчун ослабевает, / Задира покалечится’; *Јудрукчынын тумчугы канду* ‘У любителя кулаками махать нос в крови’; *Керкиң тудунын, керишке чыкпа*, / *Уругын тудунын, урушка чыкпа* ‘Держа кинжал свой, на ссору не выходи, / Держа литок свой, на драку не выходи’. Однако нельзя не отметить и настороженного отношения к жалости в целом, опасения ошибиться и пожалеть «не того» человека: *Килегени – кинчек*, / *Јазаганы јарамас* ‘Кого пожалеешь, тот – зло, / Что заранее приготовишь, то не подойдет’; *Килеңкей эмеске килезе*, / *Кинчек эткендий бодоор* ‘Пожалеешь безжалостного / Все равно что самому сделать зло’; *Боорсозо – боорына тебер* ‘Пожалеешь – [а тот] твою печень пнет’. Естественно, в этой среде христианская установка на подставление другой щеки обидчику сначала встречала только непонимание.

Денежные расчеты, вероятно, действительно не всегда были своевременными, поскольку пословицы свидетельствуют: *Алымга берген акча*, / *Алдыска чачкан ашка тўней* ‘Деньги, отданные взаймы, / Подобны зерну, брошенному нам под ноги’; *Колынла берерзин*, / *Будынла јоборзын* ‘Руками отдашь, / Ногами заберешь’. Отношение к деньгам в целом было «философским»: *Ат – канат*, / *Акча – тўбек* ‘Конь – крылья, / Деньги – беда’; чалканская пословица: *Акча – кагат*, / *Канжыле ползо, тьетпес* ‘Деньги – бумага, / Сколько их не будь, все не хватает’; *Кижин – алтын*, / *Акча – чаазын* ‘Человек – золото, / Деньги – бумага’; *Колго киргени – јөөжө*, / *Колдон чыкканы – королто* ‘То, что в руки попало, прибыль, / То, что из рук ушло, убыток’; *Капка киргени – кирелте*, / *Каптан чыкканы – чыгым* ‘То, что в кожаную суму попало, – прибыль, / То, что из сумы вышло, – убыток’. В одной из популярных книг того времени читаем о том, что алтайцы: «смотрят на деньги совершенно равнодушно; охотнее принимают

табак и водку, говоря, что раз как-то во время голодного года, когда люди умирали от недостатка пищи», у одного из них «был кусок золота с конскую голову, но не было хлеба и скота, и когда он пошел со своим золотом к соседям, предлагая золото и прося за него немного пищи, то всюду ему отказывали; и он с отчаянья бросил своё золото с высокой скалы в глубокое озеро, которое теперь и называется Алтын-коль, то есть Золотое озеро»³⁶.

О трагических последствиях пьянства среди аборигенов писали многие исследователи, например Н.М. Ядринцев: «Каждое лето, когда начинается изобилие молока, инородцы прежде совершали ряд религиозных и семейных празднеств, в это время они выкуривали на очагах в особых котлах и казанах свою водку из молока (аракэ). Известно, что более или менее ожесточенное истребление вина соответствует всегда расположению духа народа. Чем более гнели обстоятельства, тем более алтаец и инородец стал предаваться забвению и опьянению. Прежние поминки, свадьбы и развлечения, полные умеренности, сменились огульным пьянством, причем потребляется огромное количество самодельного вина. Тоска и уныние проявились в разгуле. Кроме того, глубокая меланхолия, овладевающая народом, дает себя знать самоубийствами. Нет, нет, да и повесится алтаец на дереве, вешается часто женщина, иногда и ребенок. Во времена бедствий, падежей скота, эпидемий бубнит бубен шамана, горит жертвенный огонь, призываются божества Эрлика и Ульгения, надрывающим воплем раздаются заклинания экзальтированного шамана, но старые боги нейдут уже более спасти инородца. От этих священнодействий остается туман и дефицит.

³⁶ Александров, Н.А. – С. 223-224.

Та же дикая природа, те же утесы, родные скалы окружают инородца, но они уже производят давящее и суровое безнадежное впечатление»³⁷.

Сами алтайцами пьянство и его спутники – лень, празднословие – в пословицах однозначно осуждались: *Аракызак айылданыш чыгарын бедиреер* ‘Пьяница ищет юрту, / Откуда дым идет’; *Аракычы кижси айыл кетеер, / Айылчы түйшкен јер бедиреер* ‘Пьяница по юртам бегаёт, / Место, куда гости приехали, ищет’; *Аракы ла тубектин ортозы бир алтам* ‘Между пьянством и бедой один шаг’; *Чалчыктын чамказы јырттык, / Аракычынын арказы ачык* ‘У драчливого рубаха порванная, / У пьяницы спина открытая’; *Эзириктин эжиги тежик, / Аракычынын айылы јут* ‘У пьяного дверь щелистая, / У пьяницы в юрте грязно’. В наши дни тоже можно встретить строки, написанные современными алтайцами с болью за свой народ: «Особенно, пьянство стало носить глобальный характер почти во всех селениях Кан-Алтая. Люди беспокоятся о будущем времени, о жизни своих потомков, так как скоро начнется “ийт уйе” (“собачье время”), грызня. Поэтому у некоторых молодых людей, семей возникает чувство неуверенности, бесперспективности на будущее, раздражительность из-за пьянства отцов, мужей, сыновей. Но более печально, когда запивают молодые люди и женщины (дети в этом случае даже идут на самоубийство)»³⁸.

Свободомыслие и независимость («вольница») действительно ценились: *Текези јок туу болбос, / Телкеми јок сагыш болбос* ‘Без горного козла горы не бывает, / Без свободы мысли не бывает’. Любовь алтайцев к свободе упоминается и миссионером В.И. Вербицким, нарисовавшим в своем труде совершенно иной национальный портрет алтайцев: «В нравах алтайцев есть хорошее и худое. Прежде

³⁷ Ядринцев, Н.М. Алтай и его инородческое царство (Очерки путешествия по Алтаю) // «Исторический вестник», 1885. Accessed February 10, 2012. <http://Ruscorpora.ru>.

³⁸ Шодоев, Н.А. Этнопсихологическая характеристика народа алтайцы. Accessed February 10, 2012. <http://altai-mountains.ru/articles/?idnews=953>.

всего надобно сказать, что они честны. ...Гостеприимны и радушны. Всякий вошедший в юрту человек признается как бы семьянином этой юрты. ...В спокойном состоянии кротки и услужливы, пока не стесняется их свобода... В супружестве инородцы большею частию верны, вообще не развратны и чрезвычайно чадолюбивы... В прихотях своих ограничены, малым довольны и в перенесении голода терпеливы... Все алтайцы очень ленивы и празднолюбивы: спать, ничего не делать, глядеть неподвижно в землю и курить табак – составляет их наслаждение...»³⁹. Однако пословицы осуждают людей *жалку* ‘ленивых’, *тенек* ‘глупых’, *копчы* ‘любящих сплетни’, *коркынчак* ‘трусливых’, *мактанчак* ‘хвастливых’, *керик* / *кысканчак* ‘скупых’, *аракызак* ‘пьяниц, плохих хозяев’, *ачынган* / *ачынчак* ‘сердитых’, *уйалбас* ‘бесстыдных’, *керишчен* ‘задиристых’, *кара сагышту* ‘злых’, *эки жүстү* ‘двуличных’, *өчөш* ‘упрямых’, *күйүнчек* / *адаркак* ‘завистливых’, *астамчы* ‘жадных’, *өштөнкөй* ‘мстительных’, *жамыркак* ‘высокомерных’, *киленкей эмес* ‘безжалостных’, *калырууш* / *куру тилдү* ‘многословных’, *тилгерек* / *узун тилдү* ‘языкастых’.

4. Миссионерский гетеростереотип «алтайцы любят праздные разговоры» vs. алтайский автостереотип «копчы кижиге жонго комой / «сплетник народу во вред»». Миссионеры отмечали, что алтайцы «любят часто посещать друг друга... тут начинается рассказ и расспрос о всем возможном. Эта непрерывность посещений и неотложность немедленной передачи слухов причина того, что всякое известие разносится и оглашается с чрезвычайною быстротою по улусам и кочевьям»⁴⁰. Действительно, более 5% всех «кеп ле укаа сөстөр», по данным Н.Р. Ойноткиной⁴¹, посвящены речевой деятельности, во многих осуждаются

³⁹ Вербцкий, В.И. – С. 99.

⁴⁰ Алтайская церковная миссия... – С. 46.

⁴¹ Ойноткинова, Н.Р. – С. 275.

сплетники: *Окпорлу јер малга коомой, / Копчы кижи јонго коомой* ‘Неугодые скоту во вред, / Сплетник народу во вред’; *Кодурлу кой јүүрге чак, / Копчы кижи јонго чак* ‘Паршивая овца стаду во вред, / Сплетник народу во вред’; *Бийт јастанганы, уйку јок, / Айылдажы копчыда, амыр јок* ‘С вошью в постели сна нет, / С соседом сплетником покоя нет’; *Эки копчы бириксе, / Эл кулагы амыр јок* ‘Два сплетника сойдутся – / Людским ушам покоя нет’; *От салкынга минетен, / Коп табышка минетен* ‘Огонь ветром разносится, / Сплетня слухами разносится’ (букв. ‘салятся верхом’); *Сыгырзан – салкын болор, / Шымыранзан – коп болор* ‘Свистнешь – ветер подует, / Шепнешь – сплетни пойдут’; *Коокойго кой кабыртпа, / Копчыга сөс тындатпа* ‘Не дай волчице овцу пасти, / Не дай сплетнику разговор подслушать’; *Коп сөстө чын јок, / Кеп сөстө төгүн јок* ‘В сплетне правды нет, / В пословице лжи нет’ и т.д.

5. Миссионерский автостереотип «крещёные алтайцы – боголюбивый народ» и алтайский автостереотип «Кудайы јок эл јок ‘народа без Кудая не бывает’». Бурханизм как закономерная реакция на быструю русификацию населения не позволил удовлетворить духовные запросы этноса в условиях ускоренной интеграции региона с метрополией, и в целом миссионерская работа среди алтайцев была довольно успешной. Священники, в том числе и выходцы из алтайских семей, каким был, например, М.В. Чевалков, в воспоминаниях наделяют «крещенцев» всеми возможными добродетелями: «действием христианства в этом народе 1) ослабляются и постепенно уничтожаются господствующие пороки: леность, беспечность, вольность, самоуправство, дерзость, жестокость, воровство, лукавство и неверность, бесчиние, пьянство, глубочайшее бесстыдство и забвение Бога; 2) возрождаются же, укрепляются и очищаются противоположные им: трудолюбие, попечительность, покорность, послушливость, добросовестность, верность, бескорыстие, кротость и добродушие, трезвость, скромность,

стыдливость, благоговение, страх Божий и пр.»⁴². Ряд пословиц утверждает, что человек не может жить без Бога – *Кудая: Кумагы жок суу болбос, / Кудайы жок эл болбос* ‘Река без песка не бывает, / Народа без Кудая не бывает’; *Канады жок куш жок, / Кудайы жок эл жок* ‘Птицы без крыльев не бывает, / Народа без Кудая не бывает’. Кудай всеведущий (*Тандагызын тан билер, / Тан аткажын Кудай билер* ‘Завтрашнее утренней заре известно, / Что будет на рассвете, Кудая известно’) и всевидящий (*Кудай өрө дө болзо, көзи төмөн* ‘Кудай, хоть и вверху, глаза его внизу’; *Ийни жыртыкты Кудай жаман көрөр* ‘Оборванца Бог не жалует (букв. ‘на оборванца Кудай плохо смотрит’)’). Он – Судия: *Ак ла кара жарыжар, / Ак Кудай көрөр* ‘Белое с черным состязаются, / Светлый Кудай смотрит’.

6. Миссионерский автостереотип «крещёные алтайцы – добродушный народ» и алтайский автостереотип «кижи болзо, күүнзек болор ‘если человек – пусть великодушным будет’». Как миссионеры, так и путешественники XIX в., отзывались об алтайцах как о «народе добродушном»⁴³. Пословичный материал большей частью подтверждает актуальность этих наблюдений: *Күүнзектин күүни жылаиш* ‘У добродушного душа открытая’ (букв. ‘У добродушного душа голая’); *Күүнзектин күүни жараиш, / Күндүлесе, суузы да – аш* ‘У великодушного душа красивая, / Когда угощает, даже вода у него – пища’; *Сөөк болзо, жиликтү болор, / Кижин болзо, күүнзек болор* ‘Если кость – мозговой должна быть, / Если человек – великодушным должен быть’. Национальный идеал личности, реконструируемый на основе пословичных данных, – это *кижи ак сагышту* ‘добрый’, *күүнзек* ‘добродушный’, *киленкей быйанду / алкышту* ‘благодарный’.

Таким образом, между миссионерскими и алтайскими народными стереотипами выявляются: (1) оппозиционные отношения, характерные, например, для

⁴² Алтайская церковная миссия... С. 107.

⁴³ Александров, Н.А. – С. 224.

духовных стереотипов «некрещеные алтайцы – дикий народ» – «*серкпе јаһында чын јок* ‘в церковной вере правды нет’» и морально-этических: «некрещеные алтайцы жестоки с женщинами и детьми» – «*энениһ сөзи – эрјине* ‘слово матери – драгоценность’» и т.д., и (2) тождественные отношения между духовными стереотипами («крещёные алтайцы – боголюбивый народ» – «*Кудайы јок эл јок* ‘народа без Кудая не бывает’») и морально-этическими («крещёные алтайцы – добродушный народ» – «*кижи болзо, күүнзек болор* ‘если человек – пусть великодушным будет’»). Большинство рассмотренных здесь оппозиций, конечно же, связано с представлениями миссионеров о духовной жизни алтайцев.

Далеко не все стереотипы об алтайцах, объективированные в миссионерских записях XIX в., соотносились с личным коммуникативно-прагматическим опытом клириков (ср.: «алтайцы имеют прекрасную пословицу, здесь совершенно уместную: “*Чин-была тёгуньнынъ ортозы ајортъ элю*”. Т. е. *Между истиной и ложью расстояние – четыре пальца* (собственно между глазом и ухом)»⁴⁴) и с наблюдениями самих аборигенов, закреплёнными в пословичных текстах.

Например, нелестные гетеростереотипы, включённые в мемуары некоторых членов русской миссии, разрушаются в тех же самых текстах, как только их авторы начинают излагать алтайские космогонические мифы и другие фольклорные произведения. Прежде всего отмечалась поразительная сюжетная близость этих мифов к библейским повествованиям⁴⁵.

⁴⁴ Алтайская церковная миссия... – С. 22.

⁴⁵ Ср.: «сквозь слои нелепостей – самых странных родословий богов, воинов и чудовищ, – толкований космических, изображений и понятий, носящих на себе яркую печать природы края и грубой фантазии необразованных его племен, постоянно просвечивают, как сквозь пестрый, исхитренный узор, главные нити канвы – черты преданий священо-библейских». – Там же. – С. 22-23. См. алтайские эпические описания признаков «кончины века», очень близкие апокалиптическим: «Небо затвердеет, как железо; земля делается медяною; милостивый отец Бог зажмет уши свои; возмутятся народы; пойдут цари на царей, свои на своих; всех людей воодушевит только ветер вражий. Распадутся общества; умалются люди; и великие из них будут с большой палец; не

Стереотипы обладают большой устойчивостью в массовом сознании, и еще не так давно мы могли наблюдать примеры объективаций многих оппозитивных представлений. Так, стереотип о крещёных алтайцах как об идеальном народе, поддержанный в 1960–начале 1970-х гг. модной идеологией хиппи, проникшей и в СССР, укоренился и в сознании некоторых советских интеллигентов. Известны случаи «духовного эскапизма» ленинградцев, москвичей и новосибирцев – врачей, художников, ученых. Они переехали в Горный Алтай в поисках идеалов, заметим, никак не связанных со староверческими исканиями Беловодья или рериховскими – Шамбалы, и породнились с жителями Майминских селений, полностью или частично приняв их традиционный уклад жизни. Свидетельства такого идеализированного отношения встречаются и в современной мемуарной литературе: «Однако удержать [писателя] Распутина ему не удалось – от зигзагов “комплекса национальной неполноценности”... “Так кто же, – приставал я, – самый качественный из народов – нету таких?” Неожиданно мудрец становится похож на ребенка... поморгает, поморгает и изрекает: “Алтайцы – очень хорошие! Совсем не испорченный народ”»⁴⁶. Оппозитный стереотип – о пьянстве «дикого народа» – поддерживается в некоторых интернет-травелогах российских туристов, см., например текст, датируемый 1995 г.: «Впереди подворье алтайского пастуха. Вот и он сам – проскакал мимо нас на лошади. *Лучше бы мне больше никогда не встречаться с алтайцами!* (Здесь и далее выделено нами. – О.Л.). Когда мы поравнялись с подворьем, мы увидели этого пастуха, который был уже пьян и вертел в руках ружье. Он завел с нами разговор и спросил, кто мы такие, и поинтересовался, нет ли у нас денег или водки. Услышав отрицательный ответ, он

спознают отец детей, дети – отца и матери; повод мужа будет короток; кроме ноги – всё будет начальник; луковица будет стоять головы человека; за слиток золота с конскую голову не дадут горсти хлеба; под ногами будут валяться драгоценности, да брать будет некому». – Там же. – С. 36.

⁴⁶ Смехов, В. Театр моей памяти. М., 2001. Accessed February 10, 2012. <http://Ruscorpora.ru>.

показал нам назад и в нецензурной форме проговорил: Это мои горы и моя земля – вам здесь нечего делать!! ... Мы решаем не вступать в пререкания с этим человеком и поворачиваем назад. Пройдя несколько сот метров, мы переправляемся через речушку по бревнышкам и пробуем незаметно пройти мимо алтайцев другим берегом. Но это нам не удаётся – долина около подворья как назло безлесая. Снова завидев нас, он без излишних моральных колебаний стреляет по желтым комбинезонам из ружья... *Вот оно, гостеприимство аборигенов, о котором нам так долго рассказывали!* Пока мы в ужасе прижались к земле, алтайцы приближаются к нам на лошадях. Объясняя, используя сплошь ненормативную лексику, что мы теперь арестованы, нас под ружьем препровождают к пастушьему подворью. Здесь у нас требуют заплатить водкой или деньгами за нашу свободу – бандитский налог. *Алтайцам бесполезно объяснять... алтайцы ничего не хотят да и не смогут понять.* В конце концов у нас отбирают все деньги и, слава Богу, отпускают... *сейчас алтайцы с нашими деньгами отправились в поселок за водкой, а когда напьются – могут устроить погоню, нужно обезопасить себя от этого»*⁴⁷. Данный текст, как и поведение туристов, является плодом именно стереотипизированного сознания, активно формирующего этнические предрассудки. Мы многократно путешествовали по Горному Алтаю в 1993–1996 гг. и со всей ответственностью можем заявить, что при изначально доброжелательном, вежливом отношении авто- и пеших туристов к аборигенному населению, его невозможно было спровоцировать на подобные агрессивные действия, а «налог», если и имел место, то, как правило, в форме удовлетворения просьбы дать немного горючего, так как в те годы автозаправок в горных районах почти не было. Чаще же договорённость пожить в палатке на чьём-либо «покое»

⁴⁷ Горный поход под пулями алтайцев. Accessed February 10, 2012.
<http://www.altaj.ru/node/146?page=0%2C0>.

или «наделе» достигалась в результате беседы о том, откуда прибыли путешественники, куда направляются, что интересного видели по дороге и т.п. Другими словами, алтайцы сохраняли полностью ритуал гостевых бесед даже в тяжёлое «языкастое время» (*тил уйе*)⁴⁸. Алтайцы действительно гостеприимны, и пословичный материал только подтверждает это: *Ийт кирзе, сөөк бер, / Кижки кирзе, курсак бер* ‘Собака зайдет, кость дай, / Человек зайдёт, пищу дай’; *Төбөөзинде санаалунун төринде айылчы отуратан* ‘[У человека] с умом в голове (букв. ‘в затылке’) на почётном месте гость сидит’. Хозяин *аштаганга курсак берер, / астыкканга ижемји көргүзер* ‘проголодавшему еду подаст, / заблудшему надежду подаст’. Но злоупотреблять гостеприимством не следует: *Тойгон јерде тогус конбо, / Отурган јерде отус конбо* ‘Там, где наелся, не ночуй девять раз, / Там, где сидел, не ночуй тридцать раз’.

Невозможно понять современное состояние многонационального Сибирского региона без учёта сложившейся в нём за столетия довольно сложной конфессионально-языковой ситуации. Мы рассмотрели стереотипы, возникшие в XIX–начале XX в. в результате проведения Российским государством религиозной политики за пределами метрополии. Они остаются важными и в условиях формирования современного общественного сознания. Действительно, «ведущую роль в утверждении и трансформации этнических стереотипов всегда играют экономические, политические и другие причины. К ним следует относить весь комплекс экономических, политических и культурных взаимоотношений стереотипизируемой и стереотипизирующей групп. Стереотипы являются

⁴⁸ Об алтайской народной хронологии см. в: Шодоев, Н.А. – <http://altai-mountains.ru/articles/?idnews=953>: «1917–1953 гг. называются “кара уйе” (“черное время”), а с 1954 г. по 1989 г. – “ак уйе” (“белое время”). Как материальная, так и духовная жизнь этноса улучшилась... Но с 1990-х гг. началось “тил уйе” (“языкастое время”). Появилась безработица».

постоянным отражением их состояния»⁴⁹. В миссионерских записях об алтайцах выражена базовая оппозиция, на которой держалась и, признаемся, держится до сих пор вся миссионерская картина мира со свойственными ей гетеростереотипами (о не знающих истинного Бога язычниках – пьяницах и идолопоклонниках, ворах, лжецах, не любящих трудиться, не уважающих властей и родителей, обижающих слабых и т.п.) и автостереотипами о крещёных грешниках – великодушных неопитах, народе Божиим, обладателе всех христианских добродетелей. При более близком знакомстве с алтайскими паремиями складывается представление, что алтайцы осуждали почти те же социальные изъяны и пороки, на которые обращали внимание и русские миссионеры, но в отношении собственной духовной жизни они сохраняли устойчивый скептицизм.

⁴⁹Баляев, С.И. Этнический стереотип как социально-перцептивный феномен группового самосознания // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2012. № 4. – С. 10-11.

ЛИТЕРАТУРА

Исследовательская литература

- Haarmann, H. *Identity in Transition: Cultural Memory, Language and Symbolic Russianness* // Multilingual Matters. 2002. № 122.
- Panova, E. *Students “Our” and “Alien”: The Views of St. Petersburg Teachers on Ethnic Diversity and the Limits of Russianness* // Ab Imperio. 2006. Issue 3.
- Абильдинова, Ж.Б. *Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев: на материале русскоязычных анекдотов*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011.
- Александренков, Э.Г. *Миссионер и аборигены в Перуанской Амазонии* // Латинская Америка. 2007. № 12.
- Арзютов, Д.В. *Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 1.
- Баляев, С.И. *Этнический стереотип как социально-перцептивный феномен группового самосознания* // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2012. № 4.
- Белова, О.В. *Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: Этнолингвистическое исследование*: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2006.
- Березиков, Н.А. *Казаки-землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов* // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3.

- Бондаренко, Л.Ф. *О главных принципах православного миссионерства и их проявлении в деятельности Алтайской духовной миссии* // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324.
- Боргоякова, Т.Г. *Этнические стереотипы жителей Хакасии: лингвокультурологический аспект* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. № 1.
- Дамешек, Л.М. *К вопросу о реализации проекта «большой русской нации» в конце XIX–начале XX в.* // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2008. № 1.
- Джамалаян, Д.В. *Проявление агрессии в этнических стереотипах: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.*
- Иконникова, Е.А. *Японские писатели XX века об аборигенах Сахалина* // Азия и Африка сегодня. 2010. № 10.
- Крысин, Л.П. *Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы* // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.
- Матханова, Н.П. *Сибирская мемуаристика второй половины XIX в.: корпус, разновидности, авторы* // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3.
- Мельникова, М.А. *Психосемантика этнических стереотипов жителей Дальневосточного приграничья: На примере россиян и китайцев: Дисс. ... канд. психол. наук. Владивосток, 2006.*
- Мельникова, С.В. *Записки алтайских миссионеров и их жанровая специфика* // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2.

- Пивоваров, Борис (протоиерей). *Алтайская духовная миссия* // Православная энциклопедия. Accessed February 10, 2012. <http://www.pravenc.ru/text/115104.html>
- Победоносцев, К.П. *Письма к Александру III (1881-1889)*. Accessed February 10, 2012. <http://Ruscorpora.ru>.
- Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости* / Отв. ред. А.Г. Асмолов. М.: Смысл, 2000.
- Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в Средние века* / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990.
- Тадина, Н.А. *Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения)* // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-2.
- Тадышева, Н.О. *Особенности перевода православных текстов на алтайский язык* // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333.
- Харлампович, К.В. *Архимандрит Макарий Глухарёв: По поводу 75-летия Алтайской миссии*. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905.
- Шишигин, А. *Алтайский просветитель* // Литература, история, культура Кузбасса. Accessed February 10, 2012. <http://lik-kuzbassa.narod.ru/Shishigin-Aleksandr.htm>

Источники материала, цитируемые в статье:

- Александров, Н.А. *Народы России. Этнографические рассказы для детей. Выпуск второй. Иностранцы лесов (Сибирь)*. М.: Изд-во Панафидина, 1899.
- Алтайская церковная миссия: посвящается основателям первого в отечестве Миссионерского общества одним из его членов*. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1865.

Бурханизм. Документы и материалы / Сост. Н.А. Майдунова: в 2 ч. Горно-Алтайск, 1994.

Вербицкий, В.И. (протоиерей). *Алтайские инородцы*: Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, прот. В.И. Вербицкого, изданных Этнографическим отделением Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, под ред. А.А. Ивановского. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1893.

Глухарёв, Макарий (архимандрит). *Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе*. М.: Тип. А.И. Снегирёвой, 1894.

Горный поход под пулями алтайцев // Accessed February 10, 2012 <http://www.altaj.ru/node/146?page=0%2C0>.

Ойноткинова, Н.Р. *Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров* / Отв. ред. О.Н. Лагута. Новосибирск: Институт филологии РАН, 2012.

Чевалков, М.В. (священник). *Памятное завещание: Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии*. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1894.

Шодоев, Н.А. *Этнопсихологическая характеристика народа «алтайцы»* // Accessed February 10, 2012 <http://altai-mountains.ru/articles/?idnews=953>.

Ядринцев, Н.М. *Алтай и его инородческое царство (Очерки путешествия по Алтаю)* // Исторический вестник. 1885. Accessed February 10, 2012. <http://Ruscorpora.ru>.

Ястребов, Иннокентий (архиепископ). *Процесс усвоения христианства алтайскими инородцами*. Казань: Тип. Университета, 1899.